

Рабочий на заре капитализма

С 1882 года в России существовала фабричная инспекция. Инспектор (с одним-двумя помощниками) должен был следить за положением рабочих в целом округе (несколько губерний). Конечно, фабриканты по мере возможности готовились к его посещению. Тем не менее, инспектора многое видели. Именно на инспекторских отчётах и основана книга, выдержки из которой приведены ниже. Большинство описаний относится к первой половине 1880-х годов.

Судя по тексту, какие из описанных ниже примеров фабричной жизни противоречили действовавшему в стране законодательству?

23 января 1882 года Хлудовская мануфактура загорелась, и от громадного 5-этажного корпуса остались одни каменные стены. Впрочем, Хлудов не оказался в большом убытке – он получил 1 миллион 700 тысяч руб. одной страховочной суммы, а потерпевшими оказались те же рабочие. После пожара остались... семь возов трупов. По распоряжению директора Миленча, рабочие были заперты в горевшем здании, чтобы не разбежались и лучше тушили пожар, а сторожа снаружи даже отгоняли желавших помочь горевшим.

Вскоре после этого на петербургской табачной фабрике братьев Шапшал тоже произошла катастрофа, стоившая многих человеческих жизней. Работницы были заперты во время пожара – с целью предупредить расхищение хозяйского табаку <...>

Работа идёт днём и ночью, каждому приходится работать 2 смены в сутки, через 6 часов делая перерыв, так что в конце концов рабочий никогда не может выспаться вполне. При фабрике рабочие помещаются в громадном сыром корпусе, в 3-м этаже, разделённом, как гигантский зверинец, на клетки и каморки, грязные, смрадные, пропитанные вонью отхожих мест. Жильцы набиты в этих каморках, как сельди в бочке: <...> каморка в 13 кубических сажень¹ служит помещением, во время работ, для 17 человек, а в праздники или во время чистки машин для 35–40 человек <...> Рабочие нанимаются на год. В рабочих книжках, которые рабочим не выдаются, точно обозначается обязанность рабочих не покидать фабрики до истечения года; что касается фабричной конторы, то она всегда может прогнать рабочего, коль скоро она, как говорится в книжке, "недовольна" им <...>

На фосфорных заводах и спичечных фабриках, <...> где отделяется масса вредных газов, вентиляции не существует никакой или же она крайне неудовлетворительна <...> На двух заводах, не говоря уже о том, что у многих замечена порча зубов, я встретил троих с вынутыми челюстями, вследствие полного их омертвления (от паров фосфора). Вслед за спичечными фабриками по своей невозможной в санитарном отношении обстановке следуют мастерские кожевенных заводов, в особенности отделения зольное и дубильное. Обыкновенно эти отделения помещаются в нижних этажах и почти всегда темны и необычайно грязны и без всякой вентиляции. Вследствие обильного выделения аммиачных и других газов в зольных, непривыкший едва ли в состоянии пробыть там минут десять; так, при осмотре подсобного отделения завода № 193 я не в состоянии был пробыть и трёх минут вследствие сильного кашля, возбуждённого удушливыми газами, а глаза начало так сильно есть, что я почти ровно ничего не видел <...>

В механических ткацких работа за станами крайне утомительна. Не говоря уже о страшном шуме, господствующем в этих мастерских, который притупляет чувство слуха, как я не раз это наблюдал, ткачи обыкновенно работают всё время, стоя на одном месте, и постоянно находятся в напряжённом состоянии духа, ибо нигде не делается так много вычетов всякого рода за порчу товара, как у ткачей <...> Между тем, на некоторых фабриках приходится работать таким образом при 8-часовой рабочей смене: одну неделю по 8 часов, а другую по 16 часов в сутки <...>

Жилища для рабочих на московских фабриках <...> являются в двух видах: общих спален или каморок. На немногих и, сравнительно, небольших фабриках существуют исключительно лишь казармы. В большинстве же фабрик встречаются и казармы, в первых помещаются холостые и, в случае недостатка места, женатые, а в каморках – семейные рабочие. Впрочем, на большинстве господствует безразличное смешение полов и возрастов, и сплошь да рядом все спят в одной и той же казарме или каморке.

¹ Сажень – 213,36 см.

Женатые и холостые, дети и взрослые девушки спят вповалку вместе, без всяких перегородок, в крайне грязной и тесной обстановке. При этом на одной фабрике спят даже по два человека на одной кровати <...>

На крупных бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках если не все, то часть рабочих имеет сравнительно лучшее помещение, но в них, при 6-часовых сменах, одним и тем же местом для сна пользуются различные рабочие: один встаёт и уходит на работу, другой приходит и ложится на его место! Обстановка спален, будь это казармы или каморки, везде очень однообразна: по общему правилу, в ней обычно помещаются в несколько рядов дощатые, большей частью, голые нары <...> О подстилке рабочий обязан позаботиться уже сам, и в большинстве рабочих спят на собственном полушубке или кафтане <...>

На большинстве фабрик для многих рабочих, почти по обычаю, особых спален не делают. Это относится ко всем ручным ткачам, что бы они ни ткали: бумагу, шерсть или шёлк; они располагаются спать на тех же станах, внизу или вверху. То же самое можно сказать о набойщиках и резчиках плиса, которые почти всегда спят на столах, где работают; особенно вредным нужно считать этот обычай относительно набойщиков, так как рабочее помещение, которое они занимают, всегда отличается крайне удушливой атмосферой, пропитанной целой массой красок, отчасти ядовитых. Столяры точно так же, по общему правилу, спят на верстаках, на которых работают, и о какой-нибудь постели для них не может быть и речи. На рогожных фабриках рабочие всякого пола и возраста спят вместе на тех же самых, часто сырых, мочалах и рогожах, которые обрабатывают, и ими же прикрываются. Вся грязь, которая отмывается от мочалы, попадает на пол, всегда мокрый и прогнивший. С закоптелых и заплесневелых потолков обыкновенно каплет, как в бане, с наружных же дверей, обросших толстым слоем ослизневой плесени, текут буквально потоки воды. Здесь женщины рожают на глазах всего населения мастерской, здесь, захворав, "отлёживаются", здесь же умирают, хотя бы и от заразных болезней <...>

Наконец, если помещение разделено на каморки, ошибочно думать, что в них помещается по одной семье. Обыкновенно в каждой каморке помещается две, три и до семи семей, да и одинокие рабочие во многих фабриках рассовываются по каморкам <...> Переполнению их как будто нет предела: по выражению рабочих, они живут друг на дружке. Общие спальни до крайности грязны и зловонны. Не говоря уже о каких-нибудь более серьёзных вентиляционных приспособлениях, в огромном большинстве случаев нет даже простых оконных форток, а если и есть, то маленькие, да и те обыкновенно тщательно забиты и замазаны <...>

На Уткинском заводе графа Стенбок-Фермора один рабочий – Демид Векшин – проработавши 15 лет, сделал прогульный день, и за это все 15 лет были вычтены из срока на пенсию. Проработавши снова 25 лет, Векшин погиб в турбине. Трое сыновей его проработали на том же заводе в общей сложности 18 лет и все трое погибли на работе от несчастных случаев. В итоге получается 58 лет работы и 4 жизни. В семье осталась в живых одна старуха жена Демида Вешкина, которой заводское управление назначило пенсию – один рубль 27 копеек² в год! В Иваново-Вознесенске, на фабрике К., рабочему измяло руку, которую пришлось отнять. Владелец фабрики, по выздоровлении рабочего, прогнал его, не давши ему ни копейки на кусок хлеба. На фабрике Коншина (в Серпухове) смазчик, стоя на лестнице, "стал смазывать шестерню, находящуюся на верху помещения; у лестницы не было крючьев; она выскользнула у смазчика из-под ног, и бедняга полетел в машину, которая также не была ничем ограждена. Зубьями шестерни рабочему оторвало руку и отбросило в одну сторону, а его – в другую. Несчастный скончался в тот же день в ужаснейших мучениях, не переставая умолять сторожа добить его поскорее. Находящийся при фабрике фельдшер, будучи пьян, не мог оказать никакой помощи... Когда вдова (с 4 детьми) явилась на фабрику просить вспомоществования, то директор фабрики Чернак дал три рубля и объявил, что больше не даст" <...>

12-часовая продолжительность рабочего дня принята была почти на всех фабриках, где работа шла день и ночь <...> Но не в редкость считается и более продолжительный день. Так, в Московской губ. [инспектор] Янжул наблюдал 12-часовой рабочий день на 55 фабриках или их отделениях. От 12 до 13 часов работают на 48 фабриках; от 13 до 14 час. – на 34 фабриках; от 14 до 15 час. – на 9, 15,5 час. работают на 2, и 18 час. – на 3 фабриках <...>

² То есть примерно столько, сколько рабочий платил в месяц за "общежитие" типа описанного выше.

Чрезвычайной продолжительностью рабочего дня, отсутствием регулярного отдыха и даже праздников отличается также работа в некоторых ремесленных заведениях крупного типа, например, в большей части булочных.

Здесь рабочие отдыхают и спят лишь урывками, когда и как придётся, – и так как сил человеческих не может хватить на работу при таких каторжных условиях, то выработался обычай – отпускать рабочих в отпуск и на поправку каждый год месяца на полтора.

Правда, такие промышленные заведения, где труд человека уже не просто эксплуатируется, а прямо уничтожается в своём источнике и человек "измочаливается" до того, что его "ветром качает" – составляют меньшинство, но во всяком случае не были только исключением. По словам главного фабричного инспектора, в 80 % промышленных заведений число часов работы не превышает 12. Но и 20 % – цифра немалая!

Кроме того, нередко там, где работа не превышает 12 часов в сутки, она захватывает ночное время <...>

Одним из условий держать в руках рабочего, говорится относительно Харьковского округа фабричным инспектором Святловским, почти повсеместно является удержание со всякого рабочего части его заработной платы³. Часть эта обычно не превышает двухнедельного заработка. Другими словами, фабрика почти всегда открывает себе кредит на счёт и без согласия бедняка-рабочего. Но как же может существовать рабочих без заработной платы? <...> Очень просто. Рабочий оставлял предпринимателю часть своей заработной платы, и на эти деньги предприниматель открывал со своей стороны кредит рабочему (хотя и не беспроцентно – в этом вся разница). Для этого существовали так называемые фабричные лавки, где отпускались необходимые вещи <...> Наибольшее распространение получили фабричные лавки в Центральном районе. Харчевые лавки <...> существуют почти на всех крупных и иногда даже на мелких фабриках, находящихся на более значительном расстоянии от Москвы, на пригородных же фабриках такие лавки встречаются редко. Забор в фабричных лавках нередко прямо обязателен для рабочих <...> На большинстве фабрик забор провизии в фабричной лавке официально необязателен, но по существу он для них почти неизбежен, так как вольные лавки, без ручательства конторы, в кредит не отпускают ничего, а расплачиваться с лавочниками наличными деньгами рабочие не в состоянии <...> Цены в фабричных лавках одной и той же местности и за одно и то же время разнообразятся сильно и нередко отличаются от рыночных на 20 и даже до 80 % <...>

Если рабочие остаются весною и летом, то к осени и зиме их будет избыток. Отсюда возникла система специальных штрафов и вычетов. Вообще условия и налагаемые вычеты, которыми хозяева стараются задержать рабочих от ухода с фабрики, очень разнообразны <...> На многих фабриках за самовольный уход до срока рабочий лишается 6- или 12-дневного заработка. На некоторых вычет доходит до месячного заработка рабочего, и наконец, на Царёвской ситцевой мануфактуре рабочий, ушедший ранее срока, лишается, во-первых, месячной платы, которая удерживается постоянно в конторе до самого расчёта, и, во-вторых, подвергается ещё вычету двухнедельного заработка <...>

Но, строго относясь к нарушению рабочими условий договора и карая их по своему произволу, г[оспода] предприниматели в то же время очень легко относились к своим обязательствам, вернее сказать, их не существовало <...>

"Если контора найдёт нужным почему-либо расчесть, то рабочий обязан получить расчёт во всякое время, не спрашивая о причине увольнения и не имея на контору претензий" – так говорилось в правилах на одной фабрике <...>

Вопреки закону, в правилах некоторых фабрик существует такое правило: "хозяин имеет право во всякое время за работу цену повысить или понизить". Вообще хозяин фабрики – неограниченный властитель и законодатель, которого никакие законы не стесняют, и он часто ими распоряжается по-своему: рабочие ему обязаны беспрекословным повиновением, как гласят правила фабрики Гезен и Митчинсон <...>

Статья 107 Устава о промышленности фабричной и заводской позволяет штрафовать рабочих лишь за прогул или причинение вреда хозяину. Но на фабриках существовали свои законы. Так, из 27 пунктов расчётной книжки на мануфактуре Алафузова (в Казани) 26 посвящены штрафам, и

³ То есть эта часть просто до поры до времени не выдаётся

очень крупным – до 2–5 рублей за то, например, что рабочий "прошёлся крадучись по двору <...> На заводе Мартына (в Харьковском округе) опоздавший на четверть часа после свистка штрафуются за четверть дня, а опоздавший на 20 минут и более – как за целый день. На писчебумажной фабрике Панченко за каждый час опоздания вычитается, как за два дня, а в трёх типографиях – за каждый час, как за три дня <...> Одним словом, поводы для наложения штрафов насчитываются десятками. А на многих фабриках встречается только одна лаконическая статья – замеченные в нарушении фабричных правил штрафуются по усмотрению хозяина" <...>

Вот как описывается "сахарный ад" на одном благоустроенном рафинадном заводе. Работает на нём до 1000 человек. Работа продолжается 12 часов в день, праздников не имеют и работают 30 дней в месяц. Почти во всём заводе температура воздуха страшно высокая. Работают голышом, только покрывают голову бумажным колпаком, да вокруг пояса носят короткий фартук. В некоторых отделениях, например, в камерах, куда приходится вкатывать тележки, нагруженные металлическими формами, наполняемыми сахаром, температура доходит до 70°. Этот ад до того изменяет организм, что и в казармах, где рабочим приходится жить, они не выносят температуры ниже 30... Резка сахара на мелкие куски производится с помощью особых машин, от которых мелкая сахарная пыль летит во все стороны и стоит в воздухе. Весь пол устлан этой пылью. В таком-то отделении нам и пришлось видеть несомненных сифилитиков, которые брали куски сахара своими руками, плевали на пол и проч. Пыль с полу подметается, и опять идёт в дело, на подбелку сахара! Тяжёлые работы, пропитанный сахарной пылью воздух обуславливают развитие на сахарных и рафинадных заводах особой специфической болезни, которая, между прочим, выражается в появлении на коже больших язв и ран. И с такими-то язвами рабочие таскают тяжёлые головы сахара, по несколько зараз, лезут в сушильные камеры и пр. Санитарный надзор существует лишь на немногих заводах <...> На рафинадном заводе, кончая работы, рабочие моются в вонючей и грязнейшей воде. Зимой на одном большом заводе можно видеть, как иногда по снегу бежит через двор голый человек к ватерклозету, помещающемуся далеко от главного корпуса. А бывает и так, что для избежания столь неприятного путешествия по холоду рабочие отправляют свои маленькие нужды прямо в чан с патокой <...>

Обстановка труда крайне неблагоприятная для здоровья рабочих; несмотря на это, рабочий день продолжается 12 часов, в две смены <...> Амбулатории заводских врачей, где только они имеются, переполняются рабочими со всякого рода простудными заболеваниями, как ревматизм, воспаления дыхательных органов и проч. Значительный процент рабочих поражается болезнями кожи и глаз вследствие раздражения этих органов грязью, угольной, известковой и сахарной пылью, а также вредными газами. К сожалению, полная зависимость заводских врачей от администрации стесняет их в представлении точных цифровых данных из своих амбулаторных журналов <...>

Нельзя не упомянуть здесь ещё об одном диком обычае, который существует на всех почти фабриках и заводах, хотя не имеет под собой никакой законной почвы, – это, именно, обыск. Ежедневно, в назначенное для отдыха и обеда время, а также по окончании работ – все уходящие с фабрики рабочие подвергаются тщательному с головы до ног обшариванию специально поставленными для этой цели сторожами; на пол и возраст не обращается никакого внимания. На фабрике Бахрушина (в Замоскворечьи) сторожа обыскивают даже проходящих "с воли" женщин и девушек, прямо во дворе с улицы, на глазах проходящей публики. В Западной Европе давно уже признали всю бесполезность и нецелесообразность этой процедуры и, за непригодностью, упразднили. Но мало того, что этот обычай нецелесообразен, безнравственен, он, кроме того, является совершенно противозаконным с юридической точки зрения. Наш закон допускает обыски как крайнюю меру "в случае основательного подозрения", требуя при этом, чтобы "обыски производились непременно по предписанию властей, с соблюдением установленных формальностей и непременно должностными лицами, получившими на сие полномочия" <...>

Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1906. С. 24, 37–38, 39–40, 47–49, 66–67, 69–70, 72, 79–81, 83–85, 116–117, 158.